

Тимижев Хамиша Тарканович

ОБ ОСНОВНЫХ МОТИВАХ СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ АДЫГСКОЙ ДИАСПОРЫ

В статье рассматриваются вопросы взаимодействия адыгской языковой традиции с развитыми восточными литературами, роль яркой творческой индивидуальности в эволюции художественного сознания, место поэзии диаспоры в современном состоянии адыгских литератур (адыгейской, кабардинской, черкесской). Обращается внимание на такие проблемы как тематика и идейная направленность современной поэзии диаспоры, влияние арабской классической литературы на формирование художественного мировидения поэтов адыгского зарубежья. При этом в статье подчеркивается то, что основным источником их творчества все же остается национальная культура, возросшая на почве исторической родины.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/12-3/55.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 12(54): в 4-х ч. Ч. III. С. 197-201. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/12-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

SEMASIOLOGICAL PECULIARITIES OF ABBREVIATION INNOVATIONS

Tibilova Marina Iraklievna, Ph. D. in Philology

North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov, Vladikavkaz

romairr@mail.ru

The article is devoted to the transformation of the semantics of abbreviations, which occurs on standard, well-known semantic models in Russian philology: naming transfer, meaning extension, narrowing of meaning, semantic change. The analysis of the semantic structure of abbreviations has allowed noting that lately the cases of complex formation of meanings are observed, when several semantic processes act simultaneously. Being words without full meaning, nevertheless abbreviations are governed by the same semantic laws as namings with full meanings. This is an evidence of their development by the system of contemporary Russian language.

Key words and phrases: abbreviations; semantics; semantic processes; seme; metonymization; metaphorization; meaning extension; narrowing of meaning; semantic change.

УДК 821.352.38

Филологические науки

В статье рассматриваются вопросы взаимодействия адыгской языковой традиции с развитыми восточными литературами, роль яркой творческой индивидуальности в эволюции художественного сознания, место поэзии диаспоры в современном состоянии адыгских литератур (адыгейской, кабардинской, черкесской). Обращается внимание на такие проблемы как тематика и идейная направленность современной поэзии диаспоры, влияние арабской классической литературы на формирование художественного мировидения поэтов адыгского зарубежья. При этом в статье подчеркивается то, что основным источником их творчества все же остается национальная культура, возросшая на почве исторической родины.

Ключевые слова и фразы: литература адыгского зарубежья; эволюция; типизация; тематический аспект; жанры восточной поэзии; национальное самосознание; индивидуум; пессимизм; ностальгия.

Тимижев Хамиша Тарканович, д. филол. н.

Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований

kbigi@mail.ru

ОБ ОСНОВНЫХ МОТИВАХ СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ АДЫГСКОЙ ДИАСПОРЫ[©]

Вследствие многих глобальных исторических событий XIX – XX веков адыгский (черкесский) народ оказался разбросанным по территориям отдельных государств – Россия, Турция, Сирия, Иордания, Израиль и т.д. И естественно, его культура в течение длительного периода развивалась изолированно, вне прочной связи основных этнических групп. Образовалась зарубежная адыгская диаспора, которая длительное время оставалась без какой-либо связи с исторической родиной в силу обособленности социалистического лагеря от остального мира. В конечном итоге это способствовало появлению локализованной адыгской культуры в странах Ближнего Востока. Особенность этого феномена состоит в том, что она зародилась и пустила свои корни на почве уже давно сложившихся инонациональных традиций тех стран, в которых волею судьбы оказались адыги. Зарождение и формирование литературы диаспоры прошло длительный процесс, и одним из важнейших результатов этой эволюции стал переход от арабо-тюркского письма к письму на родном языке. Столь длительное развитие связано с отсутствием поддержки со стороны властей, государственных структур и разделением диаспоры на этноанклавы, окруженные иными языковыми и национальными традициями.

Вместе с тем, необходимо отметить, что влияние арабской классической поэзии и особенно исламистской культуры стало заметнее в творчестве многих современных поэтов диаспоры, в частности, в творчестве М. Инамука («Разговор с морем», 2004), Д. Кушха («Песня-плач махаджиров», 1994), Н. Хунаг («Надежда», «Песня чужбины», 1994), Я. Бага («Почему мы были так легковерны?», 2004), Р. Тхагазита («Тяжелая мысль», «Все дни как ночи», 1994). В их художественных произведениях обнаруживается след и жанра *муввашишах* – весьма популярного в восточной поэзии со Средних веков. Когда лирический герой тоскует по земле своего детства или думает о своем прекрасном крае, он посвящает этому стихи. Особенность жанра состоит в том, что в таких случаях автор обычно просит ветер, облака, луну донести его боль и тоску до родной земли. Поэт адыгской эмиграции, утомленный жизнью на чужбине, одиночеством, остро испытывающий чувство ностальгии, просит их «ласковым дождем пролить на родную землю слезы, исторгнутые тоской» [6, с. 305].

Данный жанр, близкий к элегии, был популярен у арабо-испанских поэтов Андалусии. В годы советской власти адыгские поэты начали заменять слово «бог» словами-обращениями «о время (лихое)», «о мир (древний)»: «*О древний мир, чьи корни не гниют*», «*О время лихое с поступью конокрада*» [5, с. 96]. У адыгов, волею судьбы заброшенных на чужбину, поводов к сочинению элегий было предостаточно. Тяжелые сердечные переживания дедушек и бабушек в силу их безграмотности, не воплотившиеся на бумаге, сегодня выходят из-под пера их внуков и правнуков.

«Не видно конца страданиям моего народа.

О Всевышний, в чем наша вина?

Чем прогневили мы тебя?

За что ты нашу жизнь обрек на темноту?» [1, с. 189] (*Перевод подстрочный* – Х. Т.),

– вопрошает выходец из турецкого аула Чамурлу (Хапцево) **З. Ансоко**. Сердце поэта жжет горечь разлуки «с многострадальной родиной» («Надежда»), он не желает уйти из жизни с клеймом «чужака», как выпало дедам. «В Турции умирает больше адыгов, // Чем осталось их сегодня на Кавказе», – пишет З. Ансоко в стихотворении «Узун-Яйла», печалась о безвозвратном растворении адыгов в чуждой среде. Однако глубоко верующий поэт (а таких можно назвать целый ряд во главе в М. Инамук) не смеет обвинять в своих бедах «всесильного Аллаха и даже людей, поминаемых в истории недобрым словом» [6, с. 307]. Поэт не ждет ни революций, ни решений, могущих изменить судьбу черкесов, и не призывает к этому своих соплеменников. Об одном он молится – «дать душам умерших предков вновь обрести нашу землю – Кавказ!» [Там же]. Это строки, исторгаемые из души поэта безнадежностью, имеют признаки жанра «муввашах». Подобные примеры чаще встречаются в произведениях Я. Бага («Отчего мы были легковёрны?», «Притворный смех», 2004), А. Джанка («Моя любовь», 2004), А. Афасижа («У кого нет родины, тот нем», 2004), М. Инамук («Мой Бог, моя надежда», «Несчастен человек без родины», 2004), А. Чурей («История», 1994).

С 90-х годов XX века, то есть с появлением возможности более свободного общения с соотечественниками, значительно расширилась и тематика современной поэзии диаспоры. Теперь она охватывает гораздо больше сторон человеческого бытия, возросла ее содержательность: мы видим рожденную глубоким философским мышлением медитативную лирику, пейзажную, гражданскую, любовную поэзию. Поэты облачают в высокое художественное слово свои размышления о глобальных проблемах мира, правилах человеческого общежития, народных традиций. Их слово обращено к добру, правде, оно встает на защиту обездоленных, оно противостоит насилию. Однако несомненные творческие успехи писателей адыгского зарубежья мы отмечаем в отображении судьбоносных для народа исторических эпох и событий, во многом благодаря тому, что эта тема для них никогда не была закрытой, в отличие от отечественных писателей и поэтов. В поисках ответов на вопросы общественной жизни, человеческих взаимоотношений и идеологии они обращаются к истории, в особенности – к периоду Кавказской войны и массового исхода адыгов в Турцию. В этом художественном мире жестко противопоставят друг другу жизнь и смерть, страдание и насилие, правда и ложь, смелость и трусость. Поэты, исповедующие главную ценность – человеческое достоинство, «пытаются разрешить конфликты между странами и народами, человеком и природой» [Там же, с. 310].

Разнообразны и пути достижения этой цели поэтами адыгского зарубежья. Кто-то пытается прийти к истине через веру, кто-то апеллирует к исторической науке, одновременно перелистывая заново страницы прошлого, а кто-то пытается исцелить нанесенные чужбиной глубокие раны с помощью доброй лирики, перекликающейся с устно-народными жанрами. Одной из интересных особенностей современной литературы черкесской диаспоры является то, что многие авторы обратились к вере и возложили все свои чаяния на волю Всевышнего. И большей частью, на наш взгляд, это явилось следствием неудавшихся реформ XX столетия в странах компактного проживания адыгов – в Турции, Сирии, Иордании, Ливана и т.д. Адыги разочаровались в политических группировках и военачальниках, занятых бесконечной борьбой за власть. Была утрачена вера в благостные призывы королей, президентов, генералов. С наступлением эпохи «холодной войны» и ужесточением международной обстановки адыги окончательно потеряли надежду на возвращение на историческую родину. Как утопающий хватается за соломинку, они обратили свои взоры к религии. Своими устремлениями найти ответы на труднейшие вопросы человека и целого народа путем обращения к Богу в один ряд с М. Инамук становится **Яшар Баг**. В творчестве поэта, пишущего на турецком языке, стержневую роль играют история и жизненный путь адыгского этноса. При этом в произведениях поэта преобладают признаки сентиментализма и психологизма, что и является отличительной чертой его творчества.

Пламя войны опалет не только города и села. Оно уничтожает вековые ценности народа, его культуру, бытовые устои и по большому счету меняет характеры и мировоззрение людей. Как считает Я. Баг, самым страшным последствием Кавказской войны стало, пожалуй, некое привыкание этноса к бесконечным унижениям и, как результат, утрата своей ментальности. Кто видел, чтобы адыг в час скорби пускался в пляс? Или склонял голову «перед трудолюбивой муравьиной семьей» на безжизненном пустыре? Автор нередко обращается к приему антитезы (отдаленным ассоциациям) для усиления своей мысли.

Главный персонаж произведения, перенесший смерть детей и родных, не в силах перенести потерю самого ценного – родины, которую «словно жилы вытянули» из него («Почему мы были легковёрны?»). Он не хочет потерять свободу и, как последний символ ее, – боевого коня. Лирический герой просит своего коня: «Умчись, неукротимый, в горы, // Живи свободным, брат, ступай!» [2, с. 247]. Увы, свобода не есть некая данность, степень ее зависит от законов, установленных конкретным государством и народом. «Словно конь без седока», несчастный народ адыгский утратил волю, свой национальный стержень и покорился судьбе. Здесь налицо пример параллелизма. Бесконечная война истощила дух адыга: подобно коню, безвольно ведомому чужаком, он стал послушен «говорящему на чуждом языке турецкому олиго (правителю)...» [Там же, с. 248].

Иной подход к истории адыгов мы видим у поэтов А. Чурей («История», «Черное море», 1994), Н. Хунаг («Разбудите меня», «Не обижайся...», 1994), Ф. Дугужа («Адыгский маяк», 1994), М. Чурей («Спите спокойно», «Корабль», 1994). Опору они ищут в разуме и не взывают ни к Богу, ни к царям, ни к президентам с мольбой исправить ошибки прошлого. Суть творчества этих поэтов и есть образ самого адыга, вооруженного ясным умом и целью. «Синеглазого черкеса» призывает к разуму адыгоязычный поэт из Турции, известный хеттолог **Али Чурей**:

Думай, думай,
Историю моего народа
Расскажи мне правдиво.
Жертва ли он своего легкомыслия,
Или наивная вера
Позвала его в несчастливый путь [11, с. 192]?..

В этом стихотворении А. Чуряя чувствуется объединяющая сила. Он хорошо представляет, к кому обращены его призывы. Остановись, оглянись назад, осмысли свое прошлое, вслушайся в его зов... Это подчеркивается в стихотворении «История». Оно в принципе и заключает в себе национальную идею, которая не может не воспламенить в душе адыга-изгнанника мечту о воссоединении народа. Здесь поэт не ищет причины трагедии народа в том, что лежит на поверхности, – в войне, в религиозном фанатизме, – как это свойственно многим его собратьям по перу. Он всматривается в жизнь гораздо глубже, и его взгляды сводятся к мыслям, высказанным еще в начале XX века известным адыгским просветителем Нури Цаговым: «безграмотный народ – невежествен, его обмануть легко» [10, с. 1248].

Стихи А. Чуряя, написанные в духе нартских песнопений, выполняют и призывную функцию, подводя адыгов к мысли о возвращении на историческую родину. Лишь там, на земле отцов, считает поэт, истина о былом сможет «проясниться в полной мере, лишь там оживут наши ростки, орошаемые водами Зеленчука и Терека» [11, с. 192].

Известный литературный критик Л. А. Бекизова пишет о тематике поэзии зарубежных адыгов, что «их стихи в основном посвящены историческому пути народа, его будущему, мечте о возвращении на родину отцов» [3, с. 63]. По мнению исследователя, конечная цель их творчества и самые сокровенные их мысли могут быть выражены следующими словами: «Мы – адыги, и забывать об этом не вправе никогда. Каждый из нас обязан стремиться к сохранению и возрождению национального самосознания» [Там же, с. 64]. Вместе с тем, не подвергая сомнению утверждения Л. А. Бекизовой, мы все же не можем сводить все написанное авторами из диаспоры к столь ограниченной тематике и содержанию. Естественно, выбор и раскрытие темы зависит от самого автора и его таланта. Если отойти от чисто национальной проблемы, наших соотечественников чрезвычайно волнует и вопрос ассимиляции. Нет ни одного среди них, кто хоть раз да не обращался к данной теме. Из тех, кто с большим упорством разрабатывает эту линию, используя различные художественные приемы, можно назвать адыгоязычную поэтессу **Надию Хунаг**, проживающую в Иордании.

Более 25 лет стихи Н. Хунаг публикуются в журналах и газетах, издаваемых в Иордании, Сирии, а также в Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Адыгее. Она хорошо знает литературу и культуру своей исторической родины. Подобно тому, как мать первой ощущает проблемы детей, поэтесса своим женским сердцем воспринимает трудную ситуацию, в которой оказались ее соплеменники. Чувства, спаянные с большим поэтическим даром, и рождают стихи с «особым знаком» душевной чистоты и доброты. К ним можно отнести ее манеру приносить в каждое стихотворение свое «я». Иногда может показаться, что чрезмерное выпячивание себя перекрывает значительные общественные проблемы, тем самым принижая воспитательное значение и художественную ценность произведения. Действительно, в большинстве стихотворений Н. Хунаг первые строки начинаются с местоимения первого лица: «Разбудите меня ранним утром» («Разбудите меня», 1994), «Меня кидает жизнь, как щепку» («Надежда», 1994), «Мой друг – лишь бездомный ветер» («Песня чужбины», 1994) и др. Однако не следует думать, что поэтесса пребывает в узких рамках индивидуализма. Она попросту говорит от имени всех адыгов зарубежья.

Ностальгия – болезнь всех адыгов, живущих на чужбине. Это не телесная болезнь, которая проходит при лечении; ей нет конца, она пребывает с человеком, пока жива его душа. Это стало общенациональной бедой. Ею поражены и те, кто оказался на чужбине, и те, кто остался на родине. Разъединился мир адыгов. Донося до читателя художественными приемами ощущение неизбежности этой боли для всего народа и для нее самой, поэтесса указывает и путь к исцелению:

Мне бы день один подышать
Вольным воздухом в ущелье Баксана –
Вмиг прошла бы моя болезнь,
Вновь затеплилось бы остывшее солнце [8, с. 200].

Но Н. Хунаг дает понять, что не так-то просто избавиться от этой болезни. Уж очень глубоко она засела в ее душу. В мир адыгский вплелось много из окружающего ее чуждого мира, и освободиться от этого влияния не так непросто: «В волны каштановых волос моих // Вплелись пряди арабской земли» [Там же]. Долгое пребывание вдали от своих корней «иссушило ладони» героини, дни ее освещены ярким солнцем, но не греет оно сердце.

Раскрывая внутренний мир лирического героя, автор обращается к различным явлениям окружающего мира, часто использует приемы метафоры и олицетворения. Его жизнь поэтесса сравнивает с «одиноким бездомным ветром», «бурлящей волной», «щепкой, гонимой ветром», однако она «не поддается отчаянию». Пусть запуталась «арабская земля в ее каштановых волосах», пусть остался у нее на чужбине одинокий друг – бездомный ветер, она хранит надежду, это ее лодка, неустанно зовущая в путь, к берегам покинутой родины. Сердце зовет, душа стремится, разум ищет дорогу:

Пустьится ветер в путь – я вместе с ним поднимаюсь,
И рядом идет он, как скулящая собака.
Мы спутники с ним – двое несчастных бездомных,
Что ищут дорогу к родному дому [9, с. 244].

Содержание стихов Н. Хунаг имеет и достойное художественное оформление. Стихи поэтессы мелодичны. Использование слов происходит в строгом соответствии с правилами стилистики и синтаксиса кабардино-черкесского языка, и при этом они гармонично встраиваются в поэтические строки. Это свидетельствует о серьезном отношении автора к художественному слову.

Высокая поэтическая тема в творчестве иорданской черкешенки Н. Хунаг по-иному звучит у живущего в Австрии адыгского поэта, автора ряда сборников на немецком языке **Кундета Шурдума**. Хотя земля арабская «запуталась в волосах» Н. Хунаг, она не потеряла волю, она готова «снять с места и лететь вместе с бездомным ветром» на поиски родного края. К. Шурдум к подобному пока не готов. Его останавливает та же причина, впервые озвученная в литературе адыгского зарубежья М. Инамуком, – земля обитания стала второй родиной для потомков махаджиров. Шла жизнь, поколение следовало за поколением, и адыги пустили корни на чужбине. Для нынешних поколений страна проживания не может не представлять ценности. Они в ней родились и выросли. И это неизбежно удваивает переживания адыгов диаспоры. Вдвое углубились душевные раны адыгов, грезивших о земле отцов. Эти страдания описывает К. Шурдум на примере одной эмигрантской семьи.

Лирический герой стихотворения «Пусть пройдет еще одна зима» – это новый образ, привнесенный поэтом в национальную литературу. Стихотворение начинается с обычного, на первый взгляд, разговора между супругами. Чувствуя душевные страдания супруга, жена говорит герою: «Давай на родину вернемся, // Твои душевные страдания // Терзают и меня до боли» [12, с. 209]. А он бы рад вернуться, если бы не одна серьезная преграда. Исполнения самых радужных надежд человек ожидает по весне. Вот и лирический герой говорит: «Давай переждем еще одну зиму». Но проходит много зим, а главная причина нерешительности в другом:

Эта земля мне не стала родной,
Но она дорога моему сыну [Там же].

«Кто видел, чтоб вернулось // Однажды ушедшее детство?», – вопрошает поэт [Там же]. Так и с нашим прошлым. Оно оставило в судьбе простого человека страшный след, оно разрушило его семью, его драгоценный внутренний мир. К. Шурдуму удалось трагедию отдельного человека, отдельной семьи возвести в ранг национальной трагедии.

Извечный конфликт отцов и детей, старого и нового обрел двойную силу для представителей черкесской диаспоры. Первые переселенцы ни на минуту не забывали и детям своим не давали забыть, что у них есть родина, куда они рано или поздно вернутся. Также не позволяли они забыть свои традиции, обычаи и язык. Но время шло, надежды не сбывались. Подросли дети, у них родились и подросли свои дети. И теперь эта земля – их родина. Это непреложный закон жизни. Он и заглушил вечные метания старших махаджиров. Разве можно отсечь часть души? И какую? Найти ответы на эти сложные вопросы пытаются современные поэты адыгской диаспоры. И, на наш взгляд, больше преуспел поэт **Фуад Дугуж**. Родился и учился он в Сирии, во Франции совершенствовался в науке – получил степень доктора археологии. Полны глубокой мысли и чувств его патристические стихи «Ориентир», «Дорога», «Великий поэт», «Моя земля» [4, с. 203]. При этом, в отличие от некоторых поэтов диаспоры, утомленных сочинением элегий, его поэзия отличается оптимизмом. Лирический герой стихотворения «Болезнь», как все его соплеменники в изгнании, болеет но-стальгией, но он ни на йоту не хотел бы «уменьшить эту боль, которая пилит сильнее пилы» («Болезнь»). Напротив, он хотел бы, чтобы все адыги были одержимы этой болезнью:

Охвати всех адыгов,
Собери их вместе,
Тобой заболев – с места сдвинутся,
Найдут от тебя лекарство [Там же, с. 242].

«Болезнь», которую желает своим соплеменникам поэт, называется адыгство, верность. Только это, считает поэт, спасет от ассимиляции оставшийся без родины народ. «Пусть эта болезнь заразна» – герой исцелится, если народ вновь станет един, если увидит он снова Эльбрус. Вторая часть стихотворения – антитеза первой. Ближе к середине произведения появляются экспрессия, более светлые краски.

Для усиления драматизма, художественной силы стихотворения поэт использует прием светотени. Болезнь соответствует цвет негатива – черный, иначе ее и не воспримет человек. Но к середине стихотворения становится ясно, что «эта черная масса» отбрасывает тень; тень понемногу переходит в свет, который, в конце концов, по замыслу поэта, и сможет собрать воедино весь народ. Это одна из интересных особенностей творчества Ф. Дугужа – антипод, т.е. сведение зла к добру, вины к правоте. Поэт дает понять, что сама болезнь – наследие минувших эпох – поможет народу исцелиться.

Поэт одинаково хорошо использует и принципы адыгского стихосложения, и художественные приемы восточной литературы. Но главное – это оптимизм и решительность, которым веет от всего его творчества. Он не из тех поэтов изгнания, «в чьей жизни заплелась чужбина». Ф. Дугуж твердо верил: родина отцов жива и будет жить, пока создаются о ней высокие творения. Будет жить, пока есть символы народа – Кавказские вершины, пока стоит Эльбрус, текут быстрые воды Кубани, Терека, Баксана. Эта вера наполняет его лирику великой любовью и духовной чистотой.

«Проблема исследования жизни и творчества поэтов и писателей на сегодняшний день весьма актуальна. Изданы очерки творчества почти всех адыгских <...> писателей. Однако, как известно, жанр очерка-портрета не дает возможностей всестороннего изучения художественного творчества писателя» [7, с. 203]. Поэтому

в своей статье мы отталкиваемся не от творческой индивидуальности поэтов адыгского зарубежья, а от основной проблемы, поставленной в ней, – от доминирующих мотивов в творчестве поэтов черкесского зарубежья.

Таким образом, можно заключить: в поэзии адыгского зарубежья сохраняется вера в то, что «болезнь адыгства» (Ф. Дугуж) можно привить любому адыгу в любой части земли. Если развить эту мысль, обладая адыгством – званием адыга не утратишь, а пока есть адыги – будет и родина адыгов. Именно на этой идее зиждется поэзия и литература в целом адыгского зарубежья. Думы о родине, о народе, о его сегодняшнем и завтрашнем дне главной нотой звучат в этой молодой литературе. Слово «родина» стало в их творениях синонимом слов «чистота», «красота», «изобилие». И что самое отрадное – это то, что сегодня большинство из современных поэтов диаспоры пишут на родном языке. Значит, надо верить, что слова их обретут силу уже в обозримом будущем.

Список литературы

1. Ансоко З. Песня моего детства // Хафицэ М. М. Адыгские мамлюки. Нальчик: Эльбрус, 1994. С. 189.
2. Баг Я. Почему мы были так легковверны? // Тимижев Х. Т. Мир махаджиров. Нальчик: Эльбрус, 2004. С. 247-248.
3. Бекизова Л. А. Фольклорно-эпические традиции как основа адыгской литературной общности // Культурная диаспора народов Кавказа: генезис, проблемы изучения. Черкесск, 1993. С. 42-66.
4. Дугуж Ф. Болезнь, Ориентир, Великий поэт, Моя земля // Хафицэ М. М. Черкесские мамлюки. Нальчик: Эльбрус, 1994. С. 203-204.
5. Пачев Б. М. О время лихое с поступью конокрада // Пачев Б. М. Сочинения. Нальчик: Эльбрус, 2003. С. 96.
6. Тимижев Х. Т. Историческая поэтика и стилевые особенности литературы адыгского зарубежья. Нальчик: Эль-Фа, 2006. 360 с.
7. Хавжокова Л. Б. Творчество Бориса Гедгафова: духовно-философская и нравственно-эстетическая основа поэзии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 10 (40). Ч. 1. С. 203-205.
8. Хунаг Н. Песнь эмигранта // Хафицэ М. М. Черкесские мамлюки. Нальчик: Эльбрус, 1994. С. 199.
9. Хунаг Н. Прошу не обижаться // Тимижев Х. Т. Мир махаджиров. Нальчик: Эльбрус, 2004. С. 200.
10. Чагов Нури Айтекович // Адыгская (черкесская) энциклопедия. М., 2006. С. 1085.
11. Чурей А. История // Хафицэ М. М. Черкесские мамлюки. Нальчик: Эльбрус, 1994. С. 192.
12. Шурдум К. Пусть пройдет еще одна зима // Хафицэ М. М. Черкесские мамлюки. Нальчик: Эльбрус, 1994. С. 209.

ON MAIN MOTIVES OF MODERN POETRY OF THE ADYGHE DIASPORA

Timizhev Khamisha Tarkanovich, Doctor in Philology
Kabardino-Balkaria Institute of Humanitarian Researches
kbigi@mail.ru

The article considers the interaction of the Adyghe linguistic tradition with the developed oriental literatures, the role of the bright creative individuality in the evolution of literary consciousness, and a place of poetry of the Diaspora in the modern state of the Adyghe literatures (Adyghe, Kabardian, Circassian). Attention is paid to such issues as the themes and ideological orientation of the modern poetry of the Diaspora, and the influence of the Arabic classical literature on the formation of literary worldview of the Adygeyan abroad poets. This article highlights the fact that the main source of their creativity is still the national culture, increased on the basis of their historical homeland.

Key words and phrases: literature of the Adygeyan abroad; evolution; typification; thematic aspect; genres of oriental poetry; national self-awareness; individual; pessimism; nostalgia.

УДК 372.881.161.1

Педагогические науки

Статья посвящена одному из наиболее актуальных вопросов работы с иностранными студентами – их интеграции в незнакомое социокультурное пространство. Для преодоления иностранцами напряженности, связанной с пребыванием в новых жизненных реалиях, предлагается использовать как внеурочное, так и урочное время. В связи с этим в статье описывается опыт работы со студентами на самых ранних этапах обучения в российском вузе.

Ключевые слова и фразы: русский язык как иностранный; социокультурная адаптация; ранний этап обучения; коммуникативная компетенция; социокультурная компетенция.

Толмачева Оксана Васильевна, к. филол. н.
Тамбовский государственный технический университет
oxvt@rambler.ru

АДАПТАЦИЯ ИНОСТРАННЫХ СЛУШАТЕЛЕЙ ПОДГОТОВИТЕЛЬНОГО ОТДЕЛЕНИЯ НА РАННЕМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ В РОССИЙСКОМ ВУЗЕ[©]

Успешность обучения иностранных граждан в российском вузе зависит от многих обстоятельств. В частности, от уровня их мотивированности и готовности к восприятию учебной информации. Студенты, приезжающие